

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

CIVIL PROCEDURAL REPRESENTATION APPROACH TO RUSSIAN AND FOREIGN LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

*N. Solopova
V. Puchkov*

Annotation

The article deals with problematical aspects of civil procedural representation approach to Russian and foreign law. The author provides the reasoning of representation as a potestative legal relation between constituent and his representative. The relation between representative and court is derivative from the relation between him and his constituent. The author refers the procedural representative to be the case participant de facto, and the bearer of rights, obligations and liability in accordance with sector-specific legislation as well.

Keywords: civil procedure, representative, constituent, will, authority.

Солопова Надежда Саввична

*К.ф.н., профессор каф. социальных наук,
Уральский государственный архитектурно-
художественный университет*

Пучков Владислав Олегович

*Юрист арбитражной практики,
ООО "Правопроцесс", Уральский
государственный юридический
университет*

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы представительства в гражданском процессе России и зарубежных стран. Обосновывается вывод о том, что представительство является правоотношением между доверителем и поверенным, имеющим особое потестативное содержание, от которого правоотношение между представителем и судом носит производный характер. Аргументируется вывод о том, что представитель в гражданском процессе de facto является лицом, участвующим в деле, в связи с чем на него в полной мере распространяются права, обязанности и ответственность, предусмотренные отраслевым законодательством.

Ключевые слова:

Гражданский процесс, представитель, доверитель, волеизъявление, полномочие.

Современный гражданский процесс основывается на принципе диспозитивности, сущность которого состоит в возможности сторон свободно распоряжаться предоставленными им правами как в процессуальном, так и в материально-правовом отношении (ст. 35, 39 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] (далее – ГПК), ст. 41, 49 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] (далее – АПК). Как подчеркнул Конституционный Суд России в постановлении от 16 июля 2004 г. N 15-П [9], одной из гарантий реализации выше-названного принципа является право сторон на ведение судебного дела через представителей. В связи с этим институт представительства в гражданском процессе неоднократно становился предметом исследования ученых – процессуалистов [29;37;38]. Вместе с тем в свете предстоящей реформы российского процессуального законодательства, итогом которой должно стать принятие единого ГПК, проблема представительства в гражданском процессе требует осмысления с учетом современных правовых реалий России, а также опыта правовой регламентации данного института в иностранном праве.

Одной из ключевых проблем института судебного представительства в современном гражданском процессе является проблема правовой природы полномочий поверенного, так как ни российская, ни зарубежная доктрина гражданского процесса не выработали общепринятого подхода к их сущности. Так, к примеру, советские ученые М. М. Агарков и В. А. Рясенцев отмечают, что полномочия представителя носят секундарный характер, так как не создают корреспондирующих прав и обязанностей у других участников процесса непосредственно по отношению к поверенному [22;33]. Профессор О. С. Иоффе рассматривал процессуальное представительство в качестве юридического факта, с наступлением которого к правоспособности одного лица (доверителя) присоединяется дееспособность другого лица (поверенного) [30]. Ряд исследователей высказывают точку зрения, согласно которой представитель является самостоятельным участником процесса наряду с лицами, участвующими в деле. Так, А. Н. Гув, анализируя институт гражданского иска в уголовном процессе, приходит к выводу, что законный представитель потер-

певшего "приобретает статус гражданского истца" [27]. Подобная позиция представляется не вполне адекватной действующему законодательству России. Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ [7] в ч. 1 ст. 44 устанавливает, что гражданским истцом признается лицо, которому был причинен вред непосредственно преступлением. По справедливому замечанию А. П. Рыжакова, из этого следует, что представитель не может иметь тот же статус (в первую очередь – в материально-правовом отношении), что и доверитель [32]. Кроме того, подобный подход не находит подтверждения как в формально – юридическом аспекте, поскольку ст. 40 АПК и ст. 34 ГПК не указывают представителя в качестве одного из лиц, участвующих в деле, так и в судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 24 июня 2008 г. N 11 [10] (далее – постановление N 11) прямо указал, что представитель относится к числу лиц, содействующих правосудию.

Большинство современных авторов признают, что полномочия представителя носят потестативный характер, поскольку правовые последствия их реализации распространяются, как правило, только на доверителя. В частности, выдающийся дореволюционный процессуалист Е. В. Васильковский отмечает: сущность процессуального представительства состоит в том, что "одно лицо всецело заменяет другое, определяя своею собственной волей характер и условия совершаемого действия" [23]. Немецкие авторы К. Larenz (К. Ларенц) и М. Wolf (М. Вольф) характеризуют представительство в гражданском процессе как право на собственные действия, которые вызывают у представляемого состояние связанности [43]. Подобную позицию разделяют английские ученые J. Sorabji (Дж. Сорабджи), M. Napier (М. Нэпир), R. Musgrove (Р. Масгров) [44].

Необходимо отметить, что вышеприведенный подход нашел свое отражение в российской и иностранной судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 87 постановления от 17 ноября 2015 г. N 50 [11] подчеркнул, что правовые последствия действий представителя распространяются не на него, а на доверителя. В решении по делу Christopher et al. v. Brusselback [18] Верховный Суд США указал, что правовой эффект, порождаемый процессуальными действиями представителя, наступает только в отношении доверителя. В деле Kagalovsky and Balmore v. Wilcox and others [20] Высший Суд Правосудия Соединенного Королевства также отметил: "солиситор (барристер) и его представляемый – в сущности, одно и то же лицо. Но вместе с тем все действия суда, предпринимаемые им в ответ на действия представителя, могут распространяться только на ту сторону, которую представляет солиситор (барристер), так как именно она заинтересована в исходе спора".

Таким образом, судебная практика России и иностранных государств свидетельствует о том, что полномочия представителя носят потестативный характер. В связи с этим сложно согласиться с позицией М. Г. Ла-

щеновой, согласно которой факт вступления в дело представителя порождает два самостоятельных, не зависящих друг от друга правоотношения – между поверенным и представляемым, а также между поверенным и судом [29]. Участие в деле представителя порождает одно основное правоотношение – между ним и доверителем, содержание которого в свою очередь способно выступать юридическим фактом – основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений между судом и доверителем, от имени которого представитель действует в процессе [40; 29]. В свою очередь правоотношение между судом и представителем носит производный характер от правоотношения между ним и доверителем, поскольку возникает лишь в ряде случаев (например, при привлечении поверенного к судебной процессуальной ответственности).

Отсутствие единого подхода в доктрине и судебной практике к правовой природе полномочий представителя порождает не менее важную проблему, связанную с объемом его правоспособности. Так, проф. М. А. Вукот отождествляет потестативный характер полномочий представителя со специальным характером его правоспособности [24]. Сходного подхода придерживается С.А. Халатов, по мнению которого, правоспособность представителя в гражданском процессе производна от правоспособности доверителя, в связи с чем представитель самостоятельно несет права и обязанности только в ряде случаев (например, при наложении на него судебного штрафа субъективная обязанность уплатить соответствующий штраф возникает не у доверителя, а у поверенного, который в данном случае выступает как самостоятельный участник процесса) [36]. Вышеприведенные позиции представляются спорными в первую очередь в формально – юридическом аспекте, поскольку предпосылкой возникновения процессуальной правоспособности является наличие таковой в материально-правовом контексте (ч. 6 ст. 59 АПК, ст. 49 ГПК). Кроме того, возникновение у представителя общей правоспособности "ad hoc" фактически позволяет судить о том, что представитель не несет ответственности за свои действия в процессе перед доверителем. Наиболее показательным примером в данном контексте является дело Prudential Assurance Co. Ltd. v. Newman Industries Ltd. (No 1 [19]. Обстоятельства дела заключались в следующем. К руководству английской акционерной компании был предъявлен косвенный иск группой миноритарных акционеров. Для защиты в суде своих интересов корпоративный менеджмент заключил соответствующий договор с лондонскими барристерами. При этом в договоре между руководством компании и ее представителями было установлено, что представители обязаны добиться вынесения решения в пользу руководства компании. Однако по итогам рассмотрения дела суд удовлетворил иски требования миноритариев. В связи с этим руководство компании предъявило к барристерам иск о возмещении убытков, причиненных неисполнением условий договора.

В судебном заседании истцы ссылались на положения договора, в силу которых барристеры были обязаны добиться того, чтобы суд оставил требования миноритарных акционеров без удовлетворения. Ответчики признали данный факт. В то же время они обратили внимание суда на то, что в английской доктрине гражданского процесса представитель не является самостоятельной фигурой, так как его правоспособность отождествляется с правоспособностью доверителя. Ссылаясь на положения ст. 8.2 Правил гражданского процесса [17] (The Civil Procedure Rules), барристеры указали, что в данном контексте действия представителя являются действиями доверителя. В связи с этим по мнению соответчиков, удовлетворение судебного иска доверителя к своему процессуальному поверенному в принципе невозможно, так как в этом случае будет иметь место совпадение кредитора и должника в одном лице (confusion of debts). Суд счел доводы бывших представителей убедительными, и отказал руководству компании в удовлетворении исковых требований.

Как пишет английский юрист N. Andrews (Н. Эндрус), вышеприведенный пример наглядно свидетельствует о том, что признание за представителем только специальной правоспособности позволяет ему избежать какой-либо ответственности перед клиентом [41]. Вместе с тем, по справедливому замечанию Н. Г. Елисеева, это противоречит самой природе юридической ответственности, так как, согласно действующему гражданскому законодательству, процессуальный представитель может быть привлечен к имущественной ответственности за реальный ущерб, причиненный его действиями, в пределах своего вознаграждения [28]. Вышеизложенное позволяет судить о том, что представитель в гражданском процессе обладает общей процессуальной правоспособностью, производной от его правоспособности в материально – правовом отношении и характеризующейся особым содержанием (следует отметить, что данный подход нашел свое отражение в п. 5.5 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ [8]).

Вопрос о правоспособности представителя наиболее остро возникает в тех случаях, когда его функции осуществляет один из процессуальных соучастников. Так, ч. 3 ст. 46 АПК и ч. 3 ст. 40 ГПК предусматривают, что соучастники могут поручить ведение дела одному или нескольким из них. Законодательную конструкцию, регламентирующую соответствующее право процессуальных соучастников, сложно признать удачной. Так, вышеприведенные положения АПК и ГПК также регламентируют, что соучастники самостоятельны по отношению друг к другу. Следовательно, по справедливому замечанию О. С. Гончаровой, они могут являться носителями различных интересов как материально-правового, так и процессуального порядка [25]. В связи с этим ведение дела одним из соучастников затрудняется по ряду объективных причин.

Необходимо отметить, что действующее законодательство не отражает специфику правового статуса соучастника, ведущего дело в интересах остальных соучастников. По мнению А. В. Юдина, в этом случае одно и то же лицо приобретает два процессуальных статуса одновременно – стороны в процессе и судебного представителя [39]. В связи с этим в судебной практике возникает ряд спорных вопросов, которые ввиду дефектов гражданского процессуального законодательства не могут быть разрешены однозначно. Дело в том, что АПК и ГПК, регламентируя оформление полномочий представителя, содержат отсылочные нормы к Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК). Вместе с тем, материальный гражданский закон устанавливает императивные правила, запрещающие быть представителем лицу, действующему в чужих интересах, но от собственного имени (п. 2 ст. 182 ГК [5]). Соответственно, по смыслу п. 1 ст. 185 ГК, в связи с этим соучастники утрачивают право на оформление полномочий данного лица как представителя. В частности, на этом основании Семнадцатый Арбитражный апелляционный суд в апелляционном определении от 29 июня 2010 г. № 17АП-3351/2010-АК [15] пришел к выводу, что представительство интересов соучастников одним из них возможно только в том случае, если его полномочия оформлены в устном заявлении в судебном заседании, во избежание нарушения правил, предусмотренных п. 2 ст. 182 и п. 1 ст. 185 ГК. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления № 11, специальные полномочия поверенного, установленные в ст. 54 ГПК и ч. 2 ст. 62 АПК, должны быть установлены не иначе как доверенностью. В связи с этим представляется, что отсылку АПК и ГПК к материальному гражданскому закону не следует толковать расширительно, так как в данном случае будет иметь место применение норм частного права к публично-правовым отношениям, что в контексте п. 3 ст. 2 ГК недопустимо. Отметим при этом, что между представительством в гражданском праве и в гражданском процессе имеются существенные различия. Основное из них состоит в том, что в гражданско-правовой сфере представитель полностью замещает собою доверителя, в то время в процессуальных отношениях участие в деле поверенного не исключает участия в деле доверителя как самостоятельной фигуры (ч. 1 ст. 59 АПК, ч. 1 ст. 48 ГПК).

Спорным также является вопрос о способах разрешения коллизий между волеизъявлениями представителей. Так, АПК и ГПК позволяют соучастникам поручить ведение дела одному из них. Вместе с тем, как подчеркивает О. С. Гончарова, каждый соучастник является самостоятельным лицом по отношению к другим, в связи с чем факт того, что соучастники поручили ведение судебного дела одному из себя не лишает каждого из соучастников в отдельности права иметь своего собственного представителя [25]. Из этого следует, что в процессе могут участвовать два и более поверенных, один из которых представляет интересы всех лиц, выступающих на сторо-

не истца либо ответчика. В связи с этим может возникнуть ситуация, когда два или несколько представителей одного и того же лица совершают взаимоисключающие процессуальные действия (например, один признает исковые требования в полном объеме, а другой иск не признает)*.

* Проблема множественности представителей возникает не только в случае процессуального соучастия, но и во всех тех случаях, когда интересы одного и того же лица представляют в суде несколько поверенных (например, при уставном представительстве).

В настоящее время судебной практикой и законодательством России и иностранных государств не выработан общий подход к разрешению этой проблемы. Так, Высший Арбитражный Суд РФ (далее – ВАС) пришел к выводу, что в этом случае суду не следует предпринимать каких-либо действий до тех пор, пока не будет выражена согласованная воля всех представителей [12]. Сходное положение регламентировано в ч. 2 ст. L. 621–8 Коммерческого кодекса Франции [16] (Code de commerce). Федеральный Верховный Суд ФРГ в решении от 2 мая 2016 г. по делу AnwZ 1/14 [21] постановил, что если интересы соучастников помимо одного из них представляют их персональные поверенные, то при коллизии их волеизъявлений с волеизъявлением соучастника – представителя приоритет отдается волеизъявлению персонального поверенного. Вместе с тем, как пишет M. Dirksen–Schwanenland (M. Дирксен–Швененланд), суд не отдает приоритет волеизъявлению соучастника – представителя, если оно противоречит интересам остальных соучастников [42].

Представляется верной позиция современного исследователя И. А. Табак, согласно которой в случае возникновения указанной коллизии суду следует привлечь к участию в деле доверителя (если он не присутствует в судебном заседании) для выяснения его волеизъявления [35]. В ином случае, по мнению А. Я. Клейменова, произойдет неоправданное отождествление воли доверителя с волей одного из поверенных, поскольку сам факт того, что гражданский процессуальный закон позволяет лицу иметь несколько представителей, как раз направлен на недопущение подобной ситуации [31]. В то же время, как справедливо отмечают И. М. Ильинская и Л. Ф. Лесницкая, не всегда имеется объективная возможность обеспечить участие представляемого лица в судебном заседании [29]. В качестве примера авторы приводят дело, рассмотренное в надзорном порядке Верховным Судом РСФСР в 1964 г. Согласно материалам дела, гражданка И., уезжая в районы Крайнего Севера, поручила своей матери, гражданке П., ведение от ее имени всех судебных дел (при этом в доверенности было оговорено право представителя совершать распорядительные действия). Во время отсутствия И. ее муж продал приобретенный ею до брака рояль, тем самым нарушив режим совместного имущества супругов. В связи с этим П. обратилась с иском в суд как договорный представитель. В

ходе процесса П. пришла к выводу, что не обладает достаточной компетенцией для выстраивания эффективной правовой позиции по делу, и обратилась за помощью к адвокату, которому также предоставила право совершать распорядительные действия. Таким образом, у истицы появился второй процессуальный представитель, в связи с чем перед судом встал вопрос о соотношении взаимоисключающих волеизъявлений представителей. Дело дошло до Верховного Суда РСФСР, который пришел к выводу, что в случаях, когда представители одного и того же лица совершают взаимоисключающие процессуальные действия, суду следует отдавать приоритет волеизъявлению лица, обладающего специальными знаниями, в частности, имеющего статус адвоката. Вывод Суда представляется верным, поскольку, как подчеркивают И. М. Ильинская и Л. Ф. Лесницкая, задача судебного представительства состоит в оказании помощи гражданам и юридическим лицам в судебной защите их прав и законных интересов [29]. Безусловно, более эффективно осуществлять такую защиту будет лицо, обладающее специальными знаниями (имеющее высшее юридическое образование) и (или) специальный статус (например, адвокатский).

Проблема множественности представителей безусловно связана с такими видами представительства как договорное и уставное. В то же время, дискуссионным является также вопрос о представительстве, возникающем в силу закона. Полагаем, что круг законных представителей, очерченный нормами ч. 2 ст. 59 АПК и ст. 52 ГПК, неоправданно сужен, поскольку процессуальные кодексы связывают законное представительство только с семейными правоотношениями. В то же время основания для возникновения законного представительства содержатся не только в семейном законодательстве. Так, Кодекс торгового мореплавания РФ [6] (далее – КТМ) регламентирует, что капитан судна "признается представителем судовладельца и грузовладельца в отношении... исков, касающихся вверенного капитану судна имущества, если на месте нет иных представителей судовладельца или грузовладельца" (ст. 71 КТМ). Вывод о том, что капитан морского судна является законным представителем судовладельца или грузовладельца, следует также из содержания пп. "b" п. 4 ст. 94 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1]. Тем не менее, тот факт, что АПК и ГПК не указывают капитана судна в качестве законного представителя, объективно не позволяет судам отрицать его соответствующий статус, так как это было бы нарушением положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [2], регламентирующей, что международные договоры России являются составной частью ее правовой системы.

Интерес в связи с этим представляет собой правовая позиция, выраженная Президиумом ВАС в постановлении от 18 октября 2011 г. N 6386/11. Осуществляя пересмотр в порядке надзора дела о возмещении убытков между двумя морскими торговыми компаниями, Президиум ВАС отметил, что в суде первой инстанции судовла-

делец действовал "в лице капитана судна". Иными словами, имело место полное замещение доверителя юридической личностью поверенного. Так, надзорная инстанция в системе арбитражных судов подчеркнула, что фактически позиция капитана судна, изложенная им в арбитражном суде, представляла собой объяснения судовладельца как стороны в арбитражном процессе. Таким образом, Президиум ВАС признал, что в случае законного представительства поверенный в судебном процессе *de facto* заменяет собой доверителя, и его объяснения в контексте норм ст. 81 АПК, являются объяснением лица, участвующего в деле, т.е. самостоятельным доказательством.

К сходному выводу ранее пришел Федеральный арбитражный суд Московского округа в постановлении от 17 ноября 2009 г. N КГ-А41/11722-09 применительно к уставному представительству юридических лиц. В данном судебном акте арбитражный кассационный суд отметил, что представитель ответчика – исполняющий обязанности генерального директора хозяйственного общества – дает объяснения по существу спора так, как бы это делала бы сторона в процессе.

Из вышеизложенного следует, что законное и уставное представительство имеют особую специфику, выражающуюся в том, что поверенный в силу положений закона или устава юридического лица становится носителем всех прав и обязанностей соответствующей стороны в процессе, интересы которой он представляет. В связи с этим объяснения такого поверенного по существу дела признаются судами объяснениями лица, участвующего в деле, то есть самостоятельным судебным доказательством.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Представительство в гражданском процессе является правоотношением между доверителем и поверенным, содержанием которого выступают процессуальные действия представителя, совершаемые им от имени и в интересах представляемого и имеющие в связи с этим потестативный характер. При этом правоотношение между представителем и судом носит от вышеназванного правоотношения производный характер и реализуется при наличии определенного юридико-фактического состава (к примеру, в случае привлечения представителя к судебной-процессуальной ответственности).

2. Понимание судебного представителя как лица,

содействующего правосудию, утвердившееся в российской судебной практике, позволяет судить о том, что представитель является носителем общей, а не специальной или "ad hoc" гражданско-процессуальной правоспособности. В связи с этим полагаем, что поверенный является субъектом гражданско-правовой ответственности за реальный ущерб, причиненный его действиями доверителю.

3. Представительство интересов процессуальных соучастников, осуществляемое одним из них, требует надлежащего оформления в тех случаях, когда ему предоставляется право совершать распорядительные действия. При этом нормы ГК о представительстве и доверенности, выдаваемой такому соучастнику, следует толковать ограничительно, так как в ином случае будет иметь место применение частноправовых норм к публичным процессуальным правоотношениям, а также неоправданное отождествление гражданско-процессуального представительства с гражданско-правовым.

4. Множественность представителей порождает проблему соотношения их взаимоисключающих волеизъявлений. В подобной ситуации судам следует привлекать к участию в деле доверителя для выяснения его действительной воли. Если это невозможно, то приоритет должен быть отдан волеизъявлению поверенного, обладающего специальными правовыми знаниями и (или) имеющего специальный статус (к примеру, адвокатский).

5. Действующее процессуальное законодательство исходит из того, что законное представительство возникает главным образом из семейных отношений. Такая позиция законодателя не в полной мере отражает современные правовые реалии, поскольку национальное и международное право регламентирует случаи законного представительства, не связанные с семейными правоотношениями (например, когда представителем выступает капитан судна). Полагаем, что это должен учесть федеральный законодатель при совершенствовании АПК и ГПК.

6. Законное и уставное представительство имеют особую специфику, выражающуюся в том, что поверенный в силу положений закона или устава юридического лица становится носителем всех прав и обязанностей соответствующей стороны в процессе, интересы которой он представляет. В связи с этим объяснения такого поверенного по существу дела признаются судами объяснениями лица, участвующего в деле, то есть самостоятельным судебным доказательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Бюллетень международных договоров. 1998 г. № 1.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993 г. 25 декабря.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30. Ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 46. Ст. 4532.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32. Ст. 3301.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. N 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 мая 1999 г. N 18. Ст. 2207.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I). Ст. 4921.
8. "Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. N 124(1)) // СПС "Консультант Плюс".
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. N 15-П // Российская газета. 2004 г. 27 июля.
10. "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. N 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.
11. "О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. N 50 // Российская газета. 2015 г. 30 ноября.
12. Определение ВАС РФ от 16 февраля 2009 г. N 6284/07 // СПС "Консультант Плюс".
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 октября 2011 г. N 6386/11 // СПС "Консультант Плюс".
14. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2009 г. N КГ-А41/11722-09 // СПС "Консультант Плюс".
15. Апелляционное определение Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2010 г. № 17АП-3351/2010-АК по делу № А50-5499/2010 // СПС "Консультант Плюс".
16. Code de commerce // Journal officiel de la Republique Francaise no du 27 novembre au 1 decembre 1959
17. The Civil Procedure Rules of 1998 // Statutory Instruments, 1998. No. 3132 (L. 17).
18. Christopher et al. v. Brusselback, 58 S. Ct. 350 [302 U.S. 500] (1938).
19. Prudential Assurance Co. Ltd. v. Newman Industries Ltd. (No 1), Ch 229 (1981).
20. Kagalovsky and Balmore v. Wilcox and others, EWHC 1337 (QB) (2015).
21. BGH Urteil vom 2 Mai 2016, Az.: AnwZ 1/14 // JurionRS 2016, 16265
22. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
23. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1: Введение и общая часть. – 1894; Вып. 2: Вещное право. – 1896. Вып. 1 – 2 / Васильковский Е. В. – С.–Пб.: Н. К. Мартынов, 1894.
24. Викут М.А. Гражданская процессуальная правоспособность как предпосылка появления права на предъявление иска // Проблемы применения и совершенствования ГПК РСФСР. Калинин, 1984.
25. Гончарова О.С. Соучастие в гражданском процессе России и США : монография / О. С. Гончарова. – Москва : Проспект, 2015.
26. Гражданский процесс : учебник / под ред. Л. В. Тумановой. – Москва: Проспект, 2016.
27. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Юридическая фирма "Контракт"; Издательский Дом "ИНФРА-М", 2013.
28. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. – М.: Статут, 2015.
29. Ильинская И.М., Лесницкая Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. – М.: Юрид. лит., 1964
30. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967.
31. Клейменов А.Я. Состязательность в гражданском судопроизводстве Соединенных Штатов Америки : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2012.
32. Рыжаков А.П. Гражданский истец и гражданский истец / А. П. Рыжаков. – М. : Дело и Сервис, 2012.
33. Рясенцев В.А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. Вып. 2.
34. Скловский К.И. Представительство в гражданском праве и процессе. Ростов-на-Дону, 1981.
35. Табак И.А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
36. Халатов С.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
37. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе / С. А. Халатов. – М.: Издательство НОРМА, 2002
38. Шерстюк В.М. Судебное представительство по гражданским делам / В. М. Шерстюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
39. Юдин А.В. Проблемы совпадения и совмещения процессуальных статусов участников арбитражного и гражданского процесса // Вестник ВАС РФ. № 8. 2011.
40. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992.
41. N. Andrews. The Modern Civil Process: Judicial and Alternative Forms of Dispute Resolution in England. Mohr Siebek, 2008.
42. M. Dirksen-Schwanenland. Die Auswirkungen der notwendigen Streitgenossenschaft. Hamburg, 1995.
43. Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des burgerlichen Rechts. 8 Aufl. Munchen, 1997.
44. J. Sorabji, M. Napier, R. Musgrove. Improving Access to Justice through Collective Actions // A Series of Recommendations to the Lord Chancellor. 2008.